

Когда гаснут фонари

Дарья Зэга

Дарья Зэта

Когда гаснут фонари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63422608

ISBN 9785005187345

Аннотация

Ожидала ли она, что всё может так обернуться? Ещё в юности её жизнь превратилась в ад, который заставил её существовать в совершенно другой вселенной. Вселенной, которую она ненавидела всем сердцем. Но встреча с Ним перевернула всю её жизнь. Возможно ли увидеть сущность человека застланными ненавистью глазами? Возможно ли принять новую себя, которую ты ненавидишь? Что если всё вокруг совсем не то, чем кажется?

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	29
Глава III	53
Глава IV	66
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Когда гаснут фонари

Дарья Зэта

Дизайнер обложки Мейси Паркер

Корректор Анна Чернявая

© Дарья Зэта, 2020

© Мейси Паркер, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8734-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Не пытайтесь найти здесь схожесть с реальностью, всё равно не получится. Но эта книга на это и не претендует.

Я начала писать это произведение в 2017 году, будучи маленьким, обиженным, раненым в душу ребёнком, ничего не знающим ни о мире мафии, ни о реальности в целом, ибо я слишком долго пряталась от неё в своей собственной.

Мафия, описанная в данном произведении, крайне далека от правды или её подобия и не является реальной мафией в целом. Что она такое – лишь плод вашего решения. Так же далёк от правдивости и город, в котором всё происходит, даже не смотря на своё реальное существование.

Эта книга – сборник страданий, боли, непонимания, несправедливости и в целом всех моих эмоций и переживаний, что я испытывала в тот период. Если вы всё же читаете это предисловие, значит где-то и как-то, но я опубликовала эту книгу.

Я сделала это, чтобы моя реальность стала чуть более материальной. Я сделала это, чтобы отдать дань той маленькой девочке, которая не знала, как справиться с океаном страданий, в котором она плавала и тонула так долго, прежде чем всё-таки выбраться. Я сделала это, чтобы она наконец-то смогла освободиться, расправить крылья и остаться в прошлом навсегда.

Глава I

Стреляй

Одним из главных вопросов в моей жизни навсегда останется вот этот: как всё это со мной случилось?

История моей жизни – одно большое невозможное клише, существование которого настолько странно, что усомниться в его реальности крайне легко. Даже я иногда удивляюсь, как вообще что-то подобное могло произойти. Однако, я реальна, могу дышать, да и вроде как пока ещё живая.

Всё началось пятнадцатого мая, тысяча девятьсот девяносто второго года. В четыре часа утра, в центре здоровья Святого Иосифа, тот, что находится в западной части Торонто, родилась я – Мираж Сэлис (с ударением на последний слог, ибо при наличии отца, француза, переехавшего в Канаду десяток лет назад, иначе и быть не может. Но даже не смотря на то, что живу я во франкоговорящей стране, кто-нибудь обязательно, да ошибётся). Климент и Каролина – так звали моих родителей, которые считали, что детей они иметь не смогут. И вспоминая слова моей матери о том, что я – настоящий подарок божий, я лишь нахожу ещё одно подтверждение тому, насколько же моё существование – сопливое кинцо, наполненное банальностями разных сортов.

Климент Сэлис переехал в Торонто за десять лет до мое-

го рождения чтобы открыть свой ресторанный бизнес. Первые две попытки оказались неудачными, но на третий раз он наконец выучил тот роковой трюк, который продал ему билет в светлое процветание его дела. Да и в конце концов всё оказалось крайне просто: подчиняйся правилам альфа-самца стаи – и он не загрызёт тебя. Даже не смотря на то, что отдавать мафии приходилось почти пятьдесят процентов дохода, бизнес заработал, и дело пошло на ура. И уже через три года Климент встретил Каролину, обаятельную молодую девушку, которая в то время заканчивала университет Райерсона, факультет интернациональной экономики и финансов.

Именно из-за долгих и мучительных попыток забеременеть, которые в итоге становились провальными все до единой, я всё своё детство была окружена заботой и любовью, хоть и работали мои родители много и упорно. Мне же оставалось только с превеликим удовольствием принимать всю эту любовь и быть хорошей маленькой девочкой. Сложностей в данной задаче я не находила, поэтому моим отношениям с родителями можно было только молча завидовать. Большую часть своего времени я проводила с отцом, мама почти целый день горбатилась в офисе, ибо работа финансового аналитика громадной кампании нудная, трудная и несправимо долгая. Папа искал мне кружки с направленностью, которая была мне интересна в тот или иной момент, ходил на родительские собрания, на которых регулярно наслаждался похвалами в мою сторону от учителей, возил меня, куда

только мог, дабы разнообразить мой досуг, устраивал семейные поездки за границу, да и просто всегда забирая меня из школы, попутно занимаясь своим бизнесом. Он научил меня всему, что знал сам, от базового «как не умереть в первые десять дней самостоятельной жизни» до тонкостей маркетинга и договоров, что, на удивление моей мамы, мне было безумно интересно.

Но увы, семейная идиллия продлилась недолго. Ровно через семнадцать лет мой отец потерял всё до последней копейки. В один день к нему просто пришли, наставили на лоб пушку и заставили отдать всё, что он имел. Кто конкретно это сделал, папа мне так и не сказал. Намекнул лишь на то, что в деле была замешана всё та же мафия.

Нам пришлось переехать в небольшую квартиру довольно далеко от центра, папа стал панически искать работу, но найти что-то стабильное так и не успел.

Через год отец попал в больницу с тяжёлым туберкулёзом. Мы слишком долго пытались заставить его посетить врача, ибо его «простуда» задерживалась уже на пару месяцев, но он отказывался слушать нас с мамой. Папа так и не смог смириться с тем, что он больше не мог в полной мере обеспечить мне хорошее беззаботное будущее, а им с мамой спокойную старость. И это непринятие в итоге и не дало ему до неё дожить. Те месяцы стали для меня самыми тяжёлыми в моей жизни; месяцы, в которые я наблюдала, как мой отец медленно и мучительно умирает. Первым в бездну

уплыла его нежная, слегка детская улыбка, которая оставалась на своём посту даже в самые тёмные времена. Затем медленно, но верно начал уплывать огненный рыжий цвет его волос – та его маленькая физическая частичка, которая досталась мне по наследству и всегда будет напоминать мне хорошего человека, которым был мой папа.

Мама очень долго пыталась убедить себя, что с отцом всё будет в порядке, но я и он прекрасно понимали, что все эти надежды – лишь дар самоубеждения, который барахлил, ведь в глубине маминых глаз скрывалось осознание того, чем всё это закончится. Я старалась не плакать, а если и плакать, то только наедине с собой и монстрами в темноте. Понимая, как сейчас тяжело родителям, мне хотелось быть той сильной дочкой, которая может помочь хотя бы тем, что не ревет во всё горло. Но я ошиблась, когда недооценила отцовскую проницательность или же просто его шестое чувство (а может, меня сдали те самые монстры из темноты), ибо за месяц до своей смерти он сказал мне:

– Прятки ещё никому не помогали спастись от собственных демонов. Они лишь продолжают бесконечную отсрочку неизбежного краха. Ведь ты прячешься не от меня и не от мамы, а в первую очередь от себя. Мы с тобой прекрасно знаем, что осталось мне недолго. Поэтому прошу тебя, дай мне увидеть твои искренние детские слёзы, не скрывай от меня свои эмоции, ведь я прожил всю жизнь только благодаря им; будь честна со мной.

Тогда я не выдержала. Слёзы не переставали литься, а мой плачь очень быстро перерос в истерику, которой я так боялась, ведь в тех редких случаях, когда у меня случались истерические приступы, я переставала полностью себя контролировать. Врачи угробили около получаса и двадцать грамм валерьянки на то, чтобы я пришла в себя. А папа всё это время молча сжимал мою руку и гладил мои пушистые, блестящие количеством и непослушностью рыжие волосы. Это был единственный за всё время его болезни и последний в моей жизни раз, когда на лицо папы вернулась та самая улыбка. Слабая, колеблющаяся на грани полного исчезновения, но та самая улыбка, хоть и вперемешку со слезами. Когда я успокоилась, стало намного легче и мне, и отцу.

Ровно через месяц, зимней ночью одиннадцатого декабря, папы не стало. Его жизнь закрылась, как бутон водной лилии, через пару секунд после его последних слов:

– Я всегда буду рядом с тобой, Мираж. Позаботься о маме, но самое главное – продолжай жить. Живи так, будто каждый день – последний. Не повторяй моих ошибок, никогда не упускай шансы, которые благосклонно подкидывает тебе судьба, и помни: удачи не существует. Существует лишь момент, когда талант встречает возможность. Всё будет хорошо, солнышко.

И папа в последний раз закрыл глаза. В этот раз – навсегда.

Похороны стали испытанием для всех, но, как оказалось позже, не самым сложным, что нам придётся пройти. Из рабобтящей, уверенной в себе, солнечной, нежной женщины мама превратилась в серое, подавленное, мёртвое внутри нечто. Мне пришлось взять на себя все обязанности по дому, ибо мама просто днями не выходила из своей комнаты, ничего не ела и не издавала ни единого звука, не смотря на то, что поначалу она вела себя удивительно, почти нереально спокойно, из нового были только две-три пачки сигарет в день. Но, видимо, она попала в ту же ловушку, в которую рисковала попасть я, и из которой меня вытащил тогда отец: она заперла все свои эмоции на титановый замок, и это в итоге утащило её в пучину психического расстройства, которое ей диагностировали в день, когда мне всё-таки удалось притащить её в больницу. Глубокая депрессия стала тем самым приговором, но ещё не самым страшным.

Мама отказывалась ходить к психотерапевту и принимать таблетки, которые ей выписали, и лишь продолжала курить. Её состояние ухудшалось с каждым днём, она стала всё чаще убегать из дома и бродить по городу, не обращая никакого внимания ни на проезжающие машины, ни на места, в которые из-за невнимательности заходила. Приходилось искать её по всему городу, ибо очень часто она просто садилась

на первый попавшийся поезд в метро и выходила на первой попавшейся станции. После пары месяцев игра в отделение розыска стала невыносимой, и я стала просить всех друзей семьи о помощи. Отозвался только Якоб Кларк, чей сын согласился приглядывать за мамой, пока я пыталась с горем пополам закончить школу и достать деньги на еду, ибо мама уволилась с работы почти сразу после похорон. Удивительно, но вместе с его отцом нам даже удалось убедить маму ходить к психиатру, что через немалое количество времени, но дало свои результаты. Но главный сюрприз жизни меня ждал впереди.

Не смотря на то, что психическое состояние мамы стало постепенно улучшаться, она стала пугающе терять в весе. Я не знала, как это объяснить, и наблюдать за этим было ещё страшнее, чем за тем, как до этого мама рыдала на протяжении многих часов без остановки, пока просто не отключалась от усталости. Ещё через некоторое время я нашла кровь в раковине. Я потратила мучительно много времени на то, чтобы заставить мать говорить, но в конце концов она раскололась.

Я немедленно вызвала скорую. Врачи диагностировали рак правого легкого. Так вот почему от валяющихся повсюду в квартире пустых пачек сигарет у меня было такое плохое предчувствие.

Я понимала, что больше не могу. Матери я помочь не могла, цена на медикаменты и операцию была поднебесная.

В момент оглашения диагноза я просто упала в обморок. Я так устала. В голове вертелась лишь одна мысль: «Это конец». Я понимала, что маме нужна была моя помощь, но ещё я понимала, насколько эта помощь нужна была мне. Я была совершенно одна, вымотанная жизнью, которой во мне почти не осталось. Последнее, что было во мне, так это готовность ко всему этому. Всему этому, что порой казалось мне бредом сумасшедшего.

В том обмороке я увидела отца. Он сказал мне то, что произнёс перед своей смертью: «Позаботься о маме, но самое главное – продолжай жить».

Я проснулась с ещё одним пониманием, которое чётко сформировалось в моей голове: «Я заставлю свою жизнь перевернуться, даже если мне придётся отдать душу дьяволу».

И хоть с самим дьяволом связаться мне так и не удалось, но в ад я попала. И именно он тогда помог мне выбраться на поверхность. Я знала, что случилось с отцовским бизнесом, и знала, как он зарождался, поэтому пароль в огненное королевство мафии мне пришлось искать совсем недолго. У папы в кабинете сохранились имена, адреса и вся нужная мне информация, и, хоть я и знала, что связываю себя с людьми, которые разрушили отцовские мечты, крайне крепкой связью, выхода у меня не было. Точнее, в начале я пыталась его найти, работав на трёх работах (баристой, продавщицей и курьером), но до меня очень быстро дошло, что таким образом деньги на операцию появятся в следующем

веке, а время было крайне ограничено – и очертания этих границ уже виднелись на горизонте. После этого выход закрылся, и мне оставалось только идти вперёд по неминуемой тропинке в совершенно новую и непонятную мне вселенную.

Самой безопасной опцией для меня было стать курьером, да и к тому же опыт у меня уже имелся. Меня «официально» зарегистрировали в так называемой «системе», после чего тот, кому нужна была перевозка или доставка чего-либо, мог очень просто со мной связаться. Дабы не создавать подозрений, не знаю чьих, но всё же, я осталась работать в кафе, в то время как ночью я перевозила грузовики с наркотиками, спрятанными каждый раз по-разному, и оружием. Иногда заказы были чуть меньше, и мне давали мотоцикл, на котором пришлось молниеносно учиться ездить. Курьеров трогали крайне редко, на них действовал местный закон неприкосновенности, исключая те случаи, когда курьер привязан к кому-то конкретно. Я же просто выполняла заказы по звонку, так что моя безопасность была мне гарантирована, насколько в этом всём она вообще может быть таковой. Идентичный гарант был и на большую прибыль, поэтому вскоре деньги на операцию и таблетки были уже у меня в кармане, причём буквально. Хотя несколько заказов в карман было не положить, ибо плата была в маленьком пуленепробиваемом чемоданчике.

Операцию проводил сам Якоб, что меня неплохо успокоило, ведь она была сложной и рискованной. Я до сих пор

помню, как почти в предистеричном состоянии сидела возле двери операционной неимоверно большое количество часов, понимая, что на кону стоит всё, за что я боролась тогда, когда фактически потеряла способность идти дальше, за что мне пришлось убить ту Мираж, которая так любила жизнь, дабы дать новой Мираж занять её место. Новой Мираж, для которой краски из мира исчезли и всё застлала только одна мысль: «Выжить».

Пирсинг на языке в виде креста, на краю губы, на носу и абсолютно везде проколотое ухо; милые яркие платья сменились клетчатыми рубашками, рваными джинсами и армейскими ботинками; на предплечье образовалась татуировка, представляющая из себя треугольник, нарисованный поверх трёх роз, часть которых, что находилась внутри геометрической фигуры, являлась цветной, а та, что вне её, чёрно-белой; в моих рыжих волосах появилась ярко-зелёная прядь, под цвет моих глаз. Вот такой была новая Мираж, в которой не осталось даже частички того ребёнка, которым она была.

Когда маму выписали из больницы, на дворе стоял две тысячи четырнадцатый год. И мне было ни больше ни меньше чем двадцать два года. Жизнь начала возвращать всё на свои места. Но только один кусок пазла я больше никогда не найду. Это папа. И хотя жизненные проблемы заглушили боль, в один момент мне пришлось окончательно смириться с тем, что его больше нет и никогда не будет. Но хочу я того или

нет, а жизнь идёт вперёд, машины едут, города строятся, годы проходят. Я продолжала работать подпольным курьером, и в последствии проблема денег исчезла раз и навсегда. Зато теперь нужно было понять, каким образом рассказать обо всем маме, либо как ей объяснить мои внезапные ночные исчезновения и очень странные звонки.

Временных и кратких отговорок хватило на пару-тройку месяцев, хотя я надеялась продержаться дольше. Мама начала подозревать неладное, стала всё больше и глубже интересоваться, каким образом я заработала ей на лечение за такой короткий срок при помощи одной лишь работы в маленьком кафе в бизнес-центре города.

У меня были причины скрывать от мамы мои тайные подпольные похождения, хотя бы потому что я не хотела подвергать её опасности и трепать её нервы. Но врать ей было невыносимо трудно. И в один день я сдалась. Просто выложила маме всё, как есть, не утаив ни единой детали. Конечно же, слово «шок» не описывает даже минимально то, что она испытала после моего долгого душеизлияния. Но, к моему великому удивлению, она просто приняла это.

— А что ещё мне с тобой делать? Отказаться от тебя? Ты же мне жизнь спасала, а не просто от нечего делать решила взорвать сама себе все мосты в альтернативное будущее. Я могу лишь быть тебе безмерно благодарна и дать тебе самой разбираться в том, чьё название я даже произносить боюсь, если тебе так проще. Но знай, что если тебе понадобится помощь

в любой её форме, я сделаю всё, что в моих силах. Даже там, где сил у меня ровным счётом никаких.

После этого разговора мы больше ни разу не обсуждали то, чем я занимаюсь.

Мама всё ещё ходила к психиатру, но при этом ей постоянно не сиделось на месте. Посоветовавшись с её доктором, я всё-таки разрешила ей найти себе работу на неполный рабочий день. Мама очень быстро устроилась в какой-то маленький офис секретаршей, и, хоть это был не совсем «неполный рабочий день», после долгих рассказов о комфортабельности работы и лояльности босса к её психо-эмоциональному состоянию маме всё же удалось убедить меня позволить ей работать там. Как мы и договорились, она заканчивала строго в рамках её рабочих часов, не задерживалась, брала с собой приготовленный мной обед, и спустя ещё пару месяцев её психиатр официально закончил терапию. Мама начала заниматься волонтерством, что казалось мне небольшим сарказмом жизни. Но я наконец-то видела мою маму, жизнерадостную, женственную, одетую в свои любимые винтажные платья и туфли, выглядящую, как персонаж из американских фильмов девяностых годов, ту маму, которая была до смерти отца. Во всяком случае, так мне нравилось думать, хоть и отпечаток этого события виднелся на ней невооруженным взглядом. И всё дело было в её глазах, из которых пропала беззаботность. Теперь ей придётся справляться со мной самостоятельно, и она знала, что мы –

единственные люди, которые остались друг у друга.

Через год после того, как всё более или менее встало на ровные рельсы, у меня появились первые в моей жизни серьёзные отношения. Это было событие, которое я сама от себя не ожидала, ибо как только я вошла в мафиозную стезю, отношения для меня стали сопливой бесполезной несущей. Но, как оказалось, именно они мне и были нужны для полного баланса души и тела.

Годы продолжали идти, жизнь продолжала кипеть, но это была бы не моя жизнь, если бы спокойствие вновь не надломилось.

Теперь я вспомнила, когда же всё это началось. Это было двадцать девятое мая две тысячи семнадцатого года, на дворе стоял самый обычный понедельник, и у меня была дневная смена, поэтому уже в двенадцать я была в кафе, где меня ожидали двое моих коллег. Работала я за стойкой и на кассе, так что ходить мне приходилось чуть меньше, чем двум парням в зале, но тем не менее под конец дня устала я зверски. Мои коллеги, быстро прибравшись в зале после закрытия, тут же сбежали, и убирать витрину с едой и чистить кофемашину пришлось мне одной. Расправившись с рутинными задачами, я уже было направилась в раздевалку, как вдруг услышала звук колокольчика над входом, который каждый

раз оповещал о новых клиентах. Наверное, если бы я знала, что тогда он оповестил меня о начале хаоса, я бы без оглядки убежала. Но увы, я обернулась.

– Извините сэр, мы закрыты.

Ещё тогда я почувствовала холодок, который прошёлся по моей коже паучьими лапками. Не знаю, откуда именно он шёл: от его глаз, голоса или же просто от его невероятно жуткой ауры. Но факт остаётся фактом – именно в тот момент, когда наши взгляды впервые встретились, я подписала сделку с дьяволом. Жёлтые, нет, золотые, глубокие, до боли пронизательные и острые глаза, которые видят тебя насквозь. От этих столь ярко выделяющихся тёмно-чёрных зрачков нельзя ни укрыться, ни спрятаться, можно либо всю жизнь убегать, либо встретиться с ними лицом к лицу в битве, которую заведомо проиграешь, на смертном одре даже не вспомнив, за что ты боролся.

– Знаю, поэтому прошу меня простить. Но мне так нравится именно ваш кофе, что я никогда бы не простил себя, если бы не попытал удачи и не зашёл, – не услышав от меня чёткого моментального ответа, он продолжил, – я заплачу вдвое больше.

Дорогой костюм, дорогие часы, дорогие тёмные очки, висящие на воротнике чистейше-белой рубашки; он явно не из бедных, подумалось мне. Вспоминая тот день сейчас, я задаюсь вопросом: а душа его такая же дорогая?

Окинув его взглядом, снаружи просто вежливым, но оце-

нивающим внутри, я улыбнулась.

– Не стоит, всё в порядке. Присаживайтесь, – сказала я, быстро завязывая фартук вокруг талии и включая кофемашину, – что конкретно желаете?

– Американо. Безмерно вам благодарен, – его голос был под стать его глазам и внешности – холодный, колючий, но опасно располагающий к себе. Один из тех, которые предупреждают об опасности и дают понять, что слишком поздно рыпаться.

Как только кофе был готов, я поставила чашку перед мужчиной, который сел за барную стойку, вновь вежливо ему улыбнулась со словами «ваш кофе» и вернулась к машинке, чтобы выключить её.

– А ещё мне было бы очень приятно пообщаться с мисс Сэлис.

Прозвучало, как шум волн в пустыне. Но может быть, он просто очередной клиент. И всё бы ничего, если не тот факт, что он знал мою фамилию и встретиться со мной решил без предупреждения, да ещё и именно там, где я работаю. Всё это дело воняло за миль пять, и пахло оно точно не орхидеями.

Я замерла. Быстро переваривая его слова, я глубоко вздохнула, но оборачиваться не стала.

– Откуда мою фамилию знаешь?

До меня донёсся слабый, но крайне раздражающий смешок.

– У меня в наличии списки всех курьеров страны, от лучших до худших, с именами, фамилиями, адресами, – это заставило напрячься ещё больше. Работа курьером была строго анонимная, всё, что о тебе было известно, это твоё имя (многие и его подделывали) и номер телефона, который тебе выдавали при так называемой «регистрации» в системе. Телефон допотопный, никаких звонков, только СМС, никаких сохранённых номеров, шанс локализации по нему – минимальный. Тогда откуда именно эти списки? От информаторов? Или у него свои агенты? А может, он просто блефует и набивает себе цену?

– Я беру много, – цены я стала повышать после маминой операции, чтобы было меньше заказов, да и в конце концов раз уж я гроблю свою жизнь вот так, то хотя бы делать это буду за хорошие деньги. Но сейчас этот факт был нужен мне больше как причина слить этого господина как можно скорее.

– Не переживай, я не скуплюсь на плату. Но я не ищу курьера на одну ночь. Мне нужен... постоянный помощник, правая рука, скажем так.

– Так найди себе протезиста, я-то тут причём? – таких предложений на своём пока что коротком веку мне слышать ещё не приходилось.

– Ну зачем же ты так? Я очень неплохо плачу, но раз ты такая дорогая, то и стандартную плату могу повесить, – в его голосе слышалась невероятная уверенность в себе и в том,

что он делал, и на этом тортике лежала ярко-розовая вишенка эго, которая потихоньку начала выводить меня из себя, ведь он изначально не сомневался, что в итоге я соглашусь.

Развернувшись на сто восемьдесят, я скрестила руки на груди и постаралась принять самый грозный вид, на который была способна.

– Я числюсь в списках курьеров, а не правых конечностей по очень конкретным причинам. Поэтому катись к чёрту, и чтобы глазки мои твоих больше не видели.

Бесполезно. Ухмылка даже не собиралась исчезать с его лица, а самодовольство только выросло в габаритах. Но я просто вернулась к кофемашине, дабы поставить очень жирную точку в конце моего предложения.

– Нехорошо отказывать Марку Сталински, – тихо, но нарочито чётко проговорил он.

Сердце тут же ушло в пятки, а последние капли моей храбрости испарились.

Марк Сталински, известный так же под прозвищем Синистер, которое ему привило общество, являлся самым крупным и опасным мафиози Канады. Только от его имени дрожал каждый поголовно, а кому доводилось увидеть, редко возвращался целым и невредимым и всегда без единого гроша в кармане. Его боялись все, даже полиция, но был он для всех недостижимой и неосязаемой легендой.

– Ну-ка повтори, – я обернулась, опираясь обеими руками о барную стойку, сокращая расстояние между нами. Я долж-

на была понять, врёт он или нет. Я должна была смотреть ему в глаза, когда он повторит это.

– Я сказал: нехорошо отказывать Марку Сталински, – ни капли сомнений. Не было даже тени лжи. Я попала, – всем известно, чем это кончается.

Перед глазами вдруг возникла чёрная дыра. Дуло изысканного кольца, плода тончайшей великолепной работы истории его самого первого владельца, смотрел прямо мне в глаза и намекал, что теперь я точно попала.

– Быть того не может, – уже пролепетала я, сглатывая и делая шаг назад.

– Извини, подтвердить ничем не могу, придётся поверить мне на слово, паспорт я с собой не ношу, – он даже не встал со стула, просто спокойно наблюдал за тем, как я с ужасом осознавала, что капкан с ноги я снять не смогу.

– Бред. Этим именем назваться может любой, лишь бы страху нагнать, – эта сцена действительно больше смахивала на бред или просто страшный сон, но ещё большим бредом были мои только что произнесённые слова.

– Назваться может и любой... вот только посмеет ли, – из его голоса тут же пропали нотки издевательски-ироничной, самодовольной вежливости и сменились холодным, как дно океана, тоном, – хотя, смотря на твоё лицо, можно сделать вывод, что такой ход вполне себе может сработать, – вытащив из кожаной папки стопку бумаг, он положил её на стойку, рядом примостив шариковую ручку, – давай,

не будем усложнять жизнь ни мне, ни тебе.

Свой план я менять не собиралась. На его предложение я бы не согласилась даже под неистовыми пытками. На то было множество причин. От личности, стоящей передо мной, до моей ненависти к собственной работе. Я ненавидела то, чем занималась, с самого начала, ненавидела людей, с которыми мне приходилось иметь дело. Кучка чёрствых, мерзких, хладнокровных тварей, которых интересуется лишь собственная выгода, размер своего эго и кошелька. От их рук полегло больше людей, чем я видела за все мои смены в кафе, вместе взятые, и меня тошнило от того, насколько для всех в той вселенной это было обыденно и буднично.

– Это ничего не меняет, – сказала я, молниеносно выхватывая свой маленький Глок 26 из кармана джинсов, который всё это время был прикрыт большеразмерной чёрной майкой, и наставляя его на Сталински (в этом у меня больше не было сомнений), – ты можешь в любом случае катиться к чёрту, если ни куда поглубже.

Раздался звонкий саркастичный смех. Стандартный киношный приём, чтобы доминировать над ситуацией, или ему действительно смешно? Ведь, если второй вариант правдивый, запасного плана у меня нет.

– Каким интересным боком всё это повернулось. Но ведь мы с тобой оба знаем, что ты не выстрелишь.

– Откуда такая уверенность?

– Просто знаю. Но если хочешь, можем проверить, – опу-

стив колыт, Марк слегка наклонил голову влево, провокационно усмехнувшись, – стреляй.

Он был прав, я бы никогда не выстрелила. Делать это я с горем пополам умела, практиковалась на всякий случай (с моей работой навык стрельбы – полезная штука), но случай так и не наступил. И даже если бы наступил, сомневаюсь, что я смогла бы когда-нибудь запустить пулю в человека, кем бы этот человек ни был. Это просто находилось вне поля моего понимания.

Мне оставалось лишь бездвигательно стоять и подтверждать слова Сталински.

– Я никогда до такого не опускаюсь, – сказала я спустя секунд десять голосом, который показался мне всё ещё более или менее твёрдым.

– Господи, сколько раз я уже слышал это за всю свою жизнь? – он закатил глаза, а затем жалостливо улыбнулся, – вам, благородным рыцарям, стоит придумать новую отговорку, эта приелась уже.

– Будто ты решишься выстрелить.

«Зря я это сказала,» – эта мысль возникла у меня в голове с той же скоростью, с какой пролетела пуля мимо моего лица. На мгновение, всё вокруг меня остановилось. Время застыло вместе с моим сердцем, и мне удалось разглядеть каждую деталь этого маленького смертоносного куска свинца, что остановился возле моей щеки. По ней медленно, но стремительно побежала вниз тёплая капля рубиновой

крови, а пуля вонзилась в стену позади меня, оставив после себя неплохую такую дыру. Выстрелил. И метил в голову. Но я была нужна ему живой.

Я моментально потеряла способность двигаться, в то время как мои внутренности начали неистово танцевать канкан. Сердце решило внезапно переехать в квартирку по соседству с мозгом и билось оно так сильно, что на секунду мне показалось, будто бы оно сейчас взорвётся.

– Папочка бы не одобрил такие игрушки. Он ведь не для этого выращивал свою фрезию в окружении тепличной любви и заботы, – эта ухмылка. Она невероятно выводила из себя, но ещё больше меня вывела из себя тема, что он затронул. Никто не смел говорить о моём отце, кроме меня и мамы.

Шок от выстрела не собирался уходить, но на сцену ворвалась ярость, и спектакль моих эмоций начал набирать обороты, которые даже для меня, режиссёра сия действия, были в новинку.

– Не смей говорить о нём, ты ничего о нём не знаешь! – я перешла на почти истеричный крик, на глаза навернулись слёзы и тут же стремительным ручьём потекли по моим щекам вперемешку с кровью. Не думала, что тема отца до сих пор оставалась для меня настолько болезненной. Руки тряслись, вместе с ними трясся и пистолет. Мне было страшно, больно и злобно, и смесь этих эмоций забрала у меня последние намёки на рассудок и рациональное мышление.

– Да неужели?

И тут я поняла. Поняла, почему именно он вовлёк сюда моего отца, почему был так уверен в своём изначальном успехе. Его план Б действительно был хорош. Он мог знать папу только при одних обстоятельствах – в тот день, угрожая, на его голову наставил пушку именно он. Именно Марк забрал у него всё, как он делал с каждым, кто встречался ему на пути. Осознание того, кто на самом деле стоял передо мной, буквально сбило меня с ног. Теперь тряслось всё тело. Пистолет выпал у меня из рук, которые прижались ко рту, дабы не дать крику боли, ненависти и отказа принимать факты вылететь наружу. Попятившись назад, я ударилась спиной о всё ту же злосчастную кофемашину, но боли почти не почувствовала, ибо боль внутри была намного сильнее. Настолько сильнее, что мне стало трудно дышать. Я изо всех сил пыталась прийти в себя, заставить себя собраться и просто сделать глубокий вдох, но ненависть застлала мне глаза.

– Нет... Не может быть... Ты блефуешь, это всё враньё...

– Увы, – сказал он после короткой паузы.

Спокойствие Сталински убивало меня ещё больше. Убивало, и в тоже время давало мне новые силы, которые подпитывались яростью и полным отчаянием.

– Из-за тебя умер мой отец! Всё покатилося к чёрту именно из-за тебя! И ты смеешь после этого показываться мне на глаза, да ещё и с такими предложениями?! Как тебя, тварь, земля носит?!

В правое ухо маленький красный дьяволёнок нашёптывал

мне: «Стреляй, стреляй, стреляй,» – и я не могла избавиться от него, словно от назойливого комара в летний вечер. И только сейчас я понимаю, какую ошибку могла совершить, если бы тогда послушала его. Но больше к счастью, нежели чем к сожалению, истерика оказалась сильнее.

Слов злости у меня больше не было, был только плач и гробовая тишина вокруг. Бумаги всё ещё лежали передо мной, и я знала, что выбора у меня нет. Я могла рыдать, умять, орать и гневаться, сколько моей душе было угодно, но это бы поменяло меньше, чем ничего. Да и был ли смысл? В тот момент точно нет.

Взяв ручку и добравшись до последней страницы контракта со строчкой для подписи, я подняла взгляд на Марка. Пусть подавится. Пусть горит синим пламенем. Я быстро нарисовала свою корявую подпись, а затем с громким звуком опустила ручку на стопку бумаг.

На лице Сталински не было ни единой эмоции, даже фирменная усмешка пропала. Затем он молча взял контракт, положил его обратно в папку, спрятав кольт под пиджаком, и удалился, оставив на столе стодолларовую банкноту.

Как только колокольчик прозвенел в последний раз за тот день, я упала на колени и просто дала волю слезам на полную. А как только прорыдала всё, что могла, так же молча встала, закрыла кафе и ушла, разорвав лежащую на барной стойке банкноту на части.

Глава II

Мы все здесь грешники

Измотанная до невозможности, я переступила порог дома. Ещё никогда я не мечтала так сильно попасть в эту маленькую, тесную квартирку, и, когда мне наконец-то это удалось, я просто сползла вниз по входной двери и села прямо на пол. Лениво стянув с себя кроссовки, я вздохнула. Во время дороги домой мне удалось прийти в себя и объективно обрисовать ситуацию у себя в голове. Лучше или красочней она от этого не стала, но хотя бы была теперь более понятной. Хотя кого я обманываю, всё оставалось таким же хреновым, каким было изначально. Поверить не могу, что смогла оказаться в чём-то подобном. Это было ожидаемо, на моей работе ожидаемы любые события такого рода, но поверить, что я теперь работала на самого Марка Сталински и была его новой правой рукой, я всё же не могла. Поему именно я? Из-за его связи с отцом? Или это было просто для пущего веселья? Элитным курьером я не была, и хоть я и делала свою работу хорошо, но опыт у меня был достаточно маленький. Тогда какой смысл брать именно меня как главного помощника? Есть куча людей намного профессиональнее меня.

Алгоритмы в моей голове полетели в трубу, и я решила дать мозгу отвлечься, поэтому тут же направилась в душ.

И всё же быть загнанной в клетку было не очень приятным чувством. С одной стороны, мне было предельно ясно, что Сталински от меня хочет, но с другой стороны, это был самый непредсказуемый, опасный и интересный человек из всех, что я когда-либо встречала. Эти глаза и голос. Просто адская комбинация. Как же они завораживают. Аж до дрожи. Он ведь так может спокойно запустить тебе пулю в лоб, а ты даже не шелохнешься. Что, впрочем, и произошло буквально час назад. Он действительно выстрелил, чёрт бы его побрал. Рана на щеке всё ещё саднила, поэтому, выйдя из душа, я промыла её, затем посмотрела на себя в зеркало.

Ну и видок у меня был. Опухшие, заплаканные глаза, осунувшееся лицо и теперь ещё и немалых размеров царапина по всей длине его левой стороны.

Как меня угораздило подписать этот контракт? Мне ведь теперь действительно придётся работать на этого змеёныша, а я даже условий не прочитала. И из страны не сбежать, Марк явно за мной следит и при первой же моей попытке перекроет мне все выходы. Или он уже это сделал. Зараза, ведь за мной действительно наблюдают, причём уже давно, раз он знает так много. От этого становилось кошмарно жутко. А ещё становилось до невозможности злобно от самого Сталински. Высокомерный, напыщенный, жуткий тип, который вызывал у меня мурашки вместе с желанием врезать по его симпатичному лицу. Уверенность в себе была выше Эвереста. Интересно, это деньги или власть сделали его таким?

Может, и всё вместе.

Но были в нём и нотки холодного безумия. Как будто что-то было не на своём месте в его голове, это выдавала его аура. Он существовал, но не здесь и не сейчас. Наверное, поэтому его прозвали Синистером, он был совершенно не от мира сего, словно потерянный призрак другой вселенной, который вынужден навеки скитаться в непонятном ему пространстве и выживать в нём.

Марк вызывал у меня всё: боль, страх, ненависть, потерянность, хаос, но только не отвращение, в отличие от своих коллег по цеху. Кем бы он ни был и чем бы ни занимался, но этой эмоции у меня и след простыл, что я так и не смогла себе объяснить.

Выйдя из ванной, я направилась в гостиную и, завалившись мёртвой лошадкой на кресло, включила ящик, дабы не слушать тишину. Этот звук мне никогда не нравился. Сделав глубокий вдох и почувствовав, насколько тело расслабилось после горячей воды, я наконец окончательно успокоилась. Оглядевшись вокруг себя, я вскинула бровь. Пора нам с мамой было переезжать. Квартира была слишком старой и затхлой, а с деньгами, которые теперь у нас были, негоже продолжать жить в крайне странном и непонятном месте. Надо будет в ближайшее время начать искать квартиры в центре. Заодно и маме будет проще в офис добираться.

Долго валяться мне не пришлось, пустой желудок давал о себе знать, поэтому пришлось отправиться на кухню и сде-

лать себе куриную грудку с картофельным пюре. Конечно, моя стряпня с маминой не сравнится, но тоже ничего, есть можно. И пока я ждала, когда картошка сварится, зазвонил телефон, но не рабочий. Я насторожилась сразу, ведь на него мне звонил только мой парень и мама, но оба в это время были заняты. В глубине собственного подсознания я уже понимала, кто это был, но верить в это совсем не хотелось. Взяв телефон, я увидела, что на экране высветилась надпись «скрытый номер». Ну конечно.

– Да.

– Отлично, значит номер верный, – на сей раз его голос был более бархатным и менее провокаторским. Конечно, теперь-то всё было так, как хотел он.

– И не стрёмно мне напрямую звонить? Вычислят же, – сказала я безразличным голосом, добавляя соль в кастрюлю с картошкой.

– А меня что, кто-то ищет? – усмехнулся он. Я лишь закатила глаза.

– Чего надо?

– Да так, связь настраиваю. Как домой добралась? – либо я бредила, либо в его голосе отдаленно слышалось что-то похожее на искренность.

– Великолепно. Если тебе больше ничего не нужно, то я возвращаюсь к своему ужину.

– Какие мы нетерпеливые. Завтра за тобой заедет водитель, объясню тебе, что к чему, и обсудим пару деталей.

– Мне что, завтра тоже придётся смотреть на твоё прекрасное лицо?

– Не хотелось бы тебя разочаровывать, но, увы, да, придётся. Машина будет у тебя в семь вечера.

– А что, пораньше нельзя? У меня завтра вечерняя смена.

– Насчёт этого не переживай, я всё устрою. К сожалению, раньше не могу, завтра загруженный день, нужно будет немного поездить, – удивительно, насколько его тон сейчас отличался от того, что был несколько часов назад. Намного более мягкий, расслабленный и живой. На мгновение мне показалось, что я разговаривала с совершенно другим человеком. Но нельзя было дать себя надурить этому обманчивому ощущению. Доверие к миру сему я потеряла уже давно, а во вселенной, в которой оказалась, у меня его просто не было априори.

– Поедешь кого-то ещё терроризировать? Нужно ведь поддерживать свой статус тирана, – съязвила я, выключая плиту и беря толкушку.

– Остроумно.

– А ты что, не знал? Я ведь стендап-комиком подрабатываю в свободное время.

– Ладно-ладно, подловила, признаю.

– Что-то ещё?

– Нет, – последовала короткая пауза, но затем прилетел крайне неожиданный вопрос, – я... могу что-нибудь для тебя сделать?

– Да, оставить меня в покое.

– Тогда до завтра.

Я положила трубку. И что за вопросы такие? Что за странный ещё один новый тон непонятого сочувствия с щепоткой вины? Это откуда взялось?

Не думала, что существует человек, которого так трудно понять. Не зря мне ещё тогда показалось, что он существо совершенно не от мира сего. Откуда чувство вины? Из-за того, что случилось с отцом? Но как вообще возможно присутствие у такого, как он, подобных чувств?

Может, он совсем не тот, кем кажется?

Ещё одно утро, ещё один день. Проснулась я не с самым лучшим настроением и со словами: «Гори в аду, Марк Сталински», – кинула в стенку первый мой сегодняшний раздражитель – будильник. Вдребезги. Но будильник можно хотя бы купить, а вот потраченные за предыдущий день нервы мне никто оплатить или заменить явно не собирался.

Мама всё ещё спала, так как вернулась вчера лишь часов в десять вечера, задержавшись в детском доме, а я с одним постоянно повторяющимся в голове словом «ненавижу» направилась в ванную комнату. Расправившись с узлами в волосах и другими утренними процедурами, я вернулась в спальню, дабы понять, в чём именно я поеду к Марку.

В это же время на телефон пришло сообщение от начальницы, которая сказала мне, что сегодня я могу спокойно отдохнуть. Значит, он действительно обо всём позаботился сам.

М-да, в гардеробе у меня прям «золотая жила». Даже если я располагала довольно большими деньгами, это абсолютно не меняло того факта, что мне в принципе не нравилось ходить по магазинам, что бы мне там мама про женственность не говорила. Но всё-таки пара платьев у меня имелась. Опять-таки благодаря маме.

Мой выбор пал на красное обтягивающее платье с довольно глубоким вырезом на спине и умеренным декольте. Официально, но с характером. Мне было абсолютно наплевать, какое впечатление я произведу на Марка и произведу ли вообще. Но идти в клетчатой рубашке и джинсах в офис к тайному боссу всея Торонто – явно не выход. Найдя в шкафу пару «лодочек», я переоделась и крайне скептически посмотрела на себя в зеркало. Было очень непривычно видеть себя в таком наряде, последний раз я так одевалась, когда клиент просил доставить товар к нему на своеобразный званный ужин, с которого потом пришлось сбегать всеми силами мыслимыми и немыслимыми и после которого я пообещала себе больше никогда ногой не ступать на подобные мероприятия.

Вздыхнув, я подумала, насколько чужд мне был человек в отражении. Казалось, что это была совсем не я и происходило это всё тоже не со мной. Может, я когда-то давно про-

сто умерла и теперь моим телом завладела новая жизнь, а настоящая я просто за ней наблюдала?

Или, может, я просто стала той, кем мне суждено было быть с самого начала, и теперь я просто отказывалась это принимать?

Как бы то ни было, мои экзистенциальные размышления прервала мама, постучавшая в дверь.

– Заходи, мам.

Мама всё ещё была в пижаме и с кружкой кофе в руках. Осмотрев меня слегка непонимающим взглядом, она улыбнулась.

– Куда собираешься такая красивая?

– Пока никуда. Встреча с новым клиентом, требует какой-то дресс-код, мол, публика будет респектабельная на вечере и бла-бла-бла.

– Ясно-ясно. Ну хоть в платье тебя увидела. Во сколько уедешь?

– Часов в семь должна приехать машина.

– Опять ночью дома не будет? – несмотря на то, что мне было уже двадцать пять, мама всё ещё видела во мне ребёнка, а после того, как она узнала о том, чем я занимаюсь, стала видеть во мне ещё большее дитё. Я знала о том, как она переживала. Точнее сказать, очень хорошо представляла.

– Нет, это будет быстро, да и ехать, думаю, не далеко.

– Хорошо... – сложно было видеть маму такой. Она никогда не ложилась спать, пока я не вернусь домой, но нико-

гда ни на что не жаловалась и не доставала меня вопросами. Таков был уговор между нами после того разговора: с моей работой я хочу разбираться сама и маму туда не впутывать.

– Мам, не переживай, всё будет в порядке. Мне же не впервой. Да и потом, ты же знаешь, на меня действует закон неприкосновенности, меня никто не тронет, – вру. Я больше не была независимым курьером, и моя жизнь могла уже быть под прицелом чьей-то винтовки, а что Марк мог мне гарантировать, я пока не знала.

– Как я могу не переживать, Мираж? Ты хоть понимаешь, как всё это опасно? Я же могу потерять тебя в любой момент! Неужели ты действительно считаешь, что кто-то из них подчиняется этим законам?

– Понимаю. И нет, не считаю. И так ясно, что это бред собачий. Но выбора у меня нет. Больше нет. Я в этом деле пожизненно и выбраться не смогу. Мы с тобой это уже обсуждали.

– Знаю... Поэтому стараюсь молчать и не загружать тебя, тебе и так нелегко приходится, – мама глубоко вздохнула. Подойдя ближе, я обняла её, в свою очередь тоже вздыхая. А что я могла ей сказать? Я ведь действительно могла откинуться где-нибудь в подворотне в любой момент, особенно теперь, и строить иллюзии моей защищённости себе и ей было бесполезно, все мы здесь – взрослые люди, все всё хорошо понимаем.

– Я никуда не денусь. Обещаю. Мне есть, ради чего жить,

и терять это я не собираюсь. У меня ещё куча планов, и никакая тварь не посмеет встать у меня на пути, — я улыбнулась, сделав свой голос максимально уверенным. Это тоже была иллюзия. Но в одном я не солгала: бороться я буду до последнего, — давай завтракать, мне надо с тобой кое-что обсудить.

Переодевшись в свои домашние штаны и футболку, которые были больше меня размера на два, я отправилась на кухню. Насыпав хлопья и залив их молоком, я уселась напротив мамы и начала довольно поедать свой завтрак.

— Пора съезжать отсюда, — фактически объявила я, надеюсь таким образом немного поднять маме настроение.

— Куда? — удивлённо спросила она, чуть не поперхнувшись кофе.

— На луну, мама. Я имею в виду, пора квартиру менять. Переедем куда-нибудь поближе к твоей работе, чтобы тебе не приходилось столько времени тратить на дорогу. Я же знаю, как ты ненавидишь метро, особенно в час пик. Да и потом негоже с такими бабками жить в таком допотопном месте. Я по ночам как будто динозавров слышу.

— Да, не могу не согласиться. И дорога на работу действительно утомляет, — оглядевшись, мама вздохнула, — папе никогда не нравилось это место...

Это слово так редко стало звучать в наших разговорах, словно мы боялись, произнося его, вернуться в те тёмные времена после его смерти. И хоть мы обе знали, что это ещё одна вещь, над которой нужно работать, всё равно было

очень тяжело вспоминать об отце. Взяв мамину руку в свою, я улыбнулась, чувствуя, как слёзы начали наворачиваться на глаза, что у меня, что у мамы.

— Уверена, что папа будет счастлив, если мы переедем в местечко получше, — мама сквозь слёзы, но тоже улыбнулась. И всё-таки прогресс был. Теперь папу мы вспоминали хоть и со слезами, но и с улыбкой, — я уже нашла пару хороших вариантов, сегодня перешлю их тебе.

— Хорошо. А я тогда буду созваниваться с риелторами. И я тут подумала... Может нам и машину приобрести?

— Да хоть две, — сказала я, хихикнув и чмокнув маму в щёку.

Отправив маму на работу со спокойной душой, я вдруг поняла, что в голове возник следующий вопрос: чем же мне себя занять до семи вечера? Первое, что пришло на ум, было просто выбраться из квартиры и пройтись по городу. Хотелось одиночества. Я редко выбиралась куда-то сама, обычно я всегда была либо с мамой, либо с парнем, либо выполняла заказ, так что последнее время шанса просто бездельно побродить по городу наедине со своими мыслями и демонами мне не представлялось.

Надев чёрные рваные джинсы и клетчатую рубашку без рукавов, я захватила свою любимую толстовку на случай, если будет прохладно, и вышла на улицу. Моросило. Идеально.

Я прогуляла по Торонто почти весь день, навернув километров пятнадцать и останавливаясь лишь один раз, чтобы пообедать. Я просто ходила по улицам без особого понимания, куда я иду и где вообще оказалась, и несколько раз переезжала из одной части города в другую на метро. Домой я вернулась в шесть, быстро приняла душ, попыталась уложить свои волосы, но, осознав, что дело это провальное, в итоге просто расчесала их, затем переоделась и сделала пару глубоких вдохов напоследок.

«**Машина около подъезда**», – пришло мне на телефон от всё того же «скрытого номера». Положив в сумку телефон и пистолет, я накинула пальто и вышла из квартиры. То, что стояло передо мной, повергло меня в абсолютный шок.

«Порше». «Порше», вашу мать! Прислал машину, спасибо! Теперь-то уж меня точно никто ни в чём не заподозрит. Ещё бы красную «Феррари» прислал, соседи бы точно не заметили. В машине сидел мужчина средних лет в чёрном костюме и чёрной маске. Причём без шуток. Чёрная маска, закрывающая всё лицо. Видны были только глаза. Добавлено в копилку вопросов, которые надо будет задать Сталински.

– Вы водитель Марка? – мне было слегка страшно садиться в машину к незнакомому человеку, но выхода у меня не было.

– Вообще я водитель Мираж. Но да, я от Марка, – голос у мужчины был довольно доброжелательный, так что это меня слегка успокоило.

Я села в машину и поставила сумку на соседнее сиденье. Машина тронулась, в транспорте играл тихий успокаивающий блюз. Передняя часть машины была отделена от задней толстым стеклом, что не особо меня удивило. Такое бронированное стекло часто ставили для защиты того, кто находился на заднем сиденье, видела такие пару раз за свою карьеру.

Машина вскоре остановилась у одной из высоток бизнес центра на Черч-стрит. Водитель объяснил, что внутри меня уже ждут, и я, поблагодарив его, зашла в здание. И всё-таки я должна признать, высотка выглядела шикарно, как снаружи, так и внутри. Само помещение было белым, совершенно белым, так же, как и одежда, которую носили сотрудники. Мне, в моём красном платье, внезапно стало жутко некомфортно. И вот что странно, здесь тоже каждый из них носил маску. У каждого она была разная, пёстрая и не очень, маленькая и большая, с перьями и без. Венецианский маскарад нервно курит в сторонке по сравнению с тем, что творилось в этом бизнес-центре. Вот только к чему бы всё это? И, раз уж Марк заставляет их всех носить белое, почему маски все разные? Неужели вместо имен, он запоминает, какой сотрудник в какой маске ходит?

Ко мне практически тут же подошла высокая блондинка

на каблуках, в строгом белом костюме и белой маске с золотыми узорами вокруг правого глаза и вокруг подбородка, которая закрывала все лицо.

– Здравствуйте. Мираж Сэлис, верно? – девушка даже не пыталась казаться вежливой, в ее голосе отчетливо слышалось презрение и отвращение к моей персоне. Кажется, кому-то очень не понравилась моя новая должность.

– Да, это...

– Пройдемте за мной, – она даже не дала мне закончить, настолько я была ей противна. Девушка в последний раз осмотрела меня сверху вниз и повела меня к лифту. Мне и так было жутко дискомфортно в собственном наряде, и её взгляды в сторону моих слегка более пухлых бёдер совсем мне не помогали. Когда мы прибыли на последний этаж здания, женщина указала мне на единственную дверь коридора, а затем уехала, не сказав ни слова.

Лишь белая, на первый взгляд столь хрупкая дверь отделяла этот кабинет от обычного мира. Гигантские окна, гигантский потолок, необъятное количество пространства. Света много, даже чересчур, но тусклость и мрачность помещения кажется ничто не разбавит. Кабинет казался холодным и острым, словно лезвие ножа, приставленное к горлу.

Посередине комнаты стоял длинный письменный стол, украшенный вазой с чёрными розами. Компьютер, подставка для карандашей, бумаги – столь очевидные атрибуты банального письменного стола. Кроме одного из них – уголь-

но-чёрная, словно дёготь, маска чумного доктора.

За столом стояло чёрное кожаное кресло с довольно высокой спинкой. Стены были тщательно украшены картинами, дабы выглядеть чуточку привлекательнее для глаз обычных смертных. Жалкие попытки. Эти картинки просто-напросто сливались со стенами, и, не приглядевшись, их можно просто не заметить. Войдя в кабинет, я поняла, что каждая из картин принадлежала Сальвадору Дали. «Лицо войны», «Постоянство памяти», «Сюрреалистическая композиция с незримыми персонажами», «Геополитический младенец, наблюдающий рождение нового человека». Все эти картины я видела ранее в музеях и очень хорошо их запомнила, но никогда не могла себе объяснить, почему.

Были там и другие две картины, которые не принадлежали господину Дали и чьих авторов я не знала. Но позднее мне всё же удалось прочесть их названия. Картина, на которой была изображена женщина в белом платье и с закрытым цветами лицом, называлась «Великая война» Рене Магритта. Вторая же – с горой черепов – называлась «Апофеоз войны» и принадлежала Василию Верещагину.

Сборник таких картин – да ещё и в одной комнате – создавал жуткое чувство дискомфорта, вгоняя в состояние какого-то непонятного то ли ступора, то ли предсмертного расслабления.

«Неужто оригиналы? Хотя кто ему их продаст? Да и наверняка даже у него столько бабок нет. Скорее всего, ка-

кие-нибудь дорогостоящие копии или вроде того».

Сама комната казалась серым куском глины, который за-
тяги-вал тебя в свои утробы. И лишь одно единственное
яркое пятно присутствовало здесь, заставляя концентриро-
ваться только на нём. Его глаза. Золотые, подавляющие в те-
бе волю, эмоции и любые желания – глаза Марка Сталински.

– Мираж.

– Марк.

Я медленно прошла вглубь кабинета, остановившись око-
ло письменного стола, за которым сидел Сталински.

– Рад, что ты всё-таки решила приехать, – сказал он, про-
тяги-вая мне руку для пожатия. Проигнорировав её, я села
на одно из двух кресел, что стояли напротив него по другую
сторону стола.

– Взаимностью ответить не смогу, уж прости.

– Всё-таки мой шарм не смог завоевать твоё расположе-
ние?

– Знаешь, он даже делает тебя ещё более раздражающим.

– Ясно. Надо будет поработать над этим, – Марк по-дет-
ски обиженно надул губы и положил на место ручку, с ко-
торой игрался пару секунд назад, – тогда приступим к делу.
Три пункта: плата, задания, гарантия безопасности. С чего
хочешь начать?

– Гарантия безопасности, – без раздумий сказала я, думая
в тот момент больше про маму, нежели про себя.

– Полная.

– Такие анекдоты будешь тараканам в моём подъезде рассказывать, – съязвила я, закидывая ногу на ногу и откидываясь на спинку кресла.

– Ну зачем ты так. Я бы не дал тебе подписать договор, если бы не был уверен, что смогу защитить тебя и твою семью. За домом будут наблюдать мои люди двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, в подъезде и на твоём этаже будут расставлены камеры, за которыми тоже будут постоянно наблюдать. На твой телефон будет установлен датчик GPS – для экстренных ситуаций. Плюс ко всему, тебя будет везде возить твой личный водитель, будь то деловые встречи или доставки. Он – бывший военный, поэтому, пока он рядом, ты будешь защищена. Твоя мама тоже будет под постоянным надзором, с твоего позволения.

Перспективы были неплохие. Не знаю, насколько действенные, но звучало всё это в совокупности достаточно неплохо. Он явно знал, что делал.

– Допустим. А что если со мной всё-таки что-то случится?

– Я собрал команду, которая при первом же сигнале отправится вас спасать, принцесса, – усмехнулся Марк.

– Прямо целая команда?

– Ты же моя правая рука, самая важная из всех, кто находится под моим руководством. Иначе и быть не может.

– Какая честь. И что же я должна делать?

– То, что делала всегда, плюс пара новых нюансов. Мне тут нашептала птичка, что ты неплохо разбираешься в кон-

трактах и прочих подобных вещах.

– Не буду отрицать, – этому меня действительно когда-то научил папа. Он всегда говорил, что такие знания в любом случае пригодятся на каком-нибудь этапе жизни.

– Мне давно нужен кто-то, кто будет помогать мне сортировать те, что сразу идут в утиль, и те, что можно в теории рассмотреть как возможные, – ясно. Убирать те, что имели в себе какое-то подвохи и оставлять те, что были чистыми, – также тебе придётся иногда ездить на деловые встречи от моего имени, в случае, если сам я на них времени не найду. С тобой всегда будут два телохранителя, так что всё под контролем, – отлично, ещё больше нежелательных знакомств и ещё больше персон, которые будут знать меня в лицо.

– Что насчёт платы?

– Входная сумма – пятьсот тысяч долларов. Также я могу обеспечить...

– Стоп, какая входная сумма, какие пятьсот тысяч, что ты несёшь? – такая сумма повергла меня в откровенный и неподдельный шок.

– Взнос в сумме пятьсот тысяч за подпись контракта, ну и, в твоём случае, – Марк окинул меня оценивающим взглядом, – за моральный ущерб, – он нагло вато усмехнулся.

– Пятьсот тысяч?! – удивленно спросила я.

– Да, – его же удивляло моё удивление, – мало? Могу удвоить, – Марк так спокойно это сказал, будто это ничем не отличалось от предложения выпить чай.

– Ты серьёзно?

– Я могу утратить, если надо, – тот же абсолютно спокойный и слегка удивлённый тон.

– Нет, ты издеваешься, – ответила я на свой заданный ранее вопрос, – пятьсот тысяч? За подпись контракта?!

– Давай будем честны друг с другом, я заставил тебя подписать эту бумажку. Плюс ко всему я узнал твой номер телефона, домашний адрес и уже пару недель слежу за тобой без твоего согласия, так что это вполне честно, – так и знала.

– И где ты взял всю эту информацию? – я озвучила свой вопрос.

– Связи, милая, – о том, что должен был значить его ответ, можно было лишь догадываться.

– Неужели тебе настолько плевать, сколько и куда кидать деньги? – первый шок спал, и во всё это кровавое месиво эмоций добавился смех. Безразличие Марка ко всему на свете в какой-то степени забавляло.

– Ну, на благородное дело никаких денег не жалко, – ему явно не сиделось на месте, Сталински вновь встал и облокотился на стол, таким образом подобравшись ближе ко мне.

– Хах, благородное? Ври больше, – я усмехнулась и посмотрела на него.

– Позволь поинтересоваться, сколько тебе платили до этого?

– Максимум тысяч шестьдесят.

– М-да, негусто. Ты же сказала, что берёшь много?

– Ну, смотря кому сколько надо. А ценник я повысила уже потом. Чем меньше времени я во всём этом нахожусь и ва-рюсь, тем лучше.

– Честно, – Марк кивнул пару раз, затем продолжил, – за встречи – двести тысяч, за перевозку – сто, за макулату-ру – пятьдесят. Идёт?

– Идёт.

– Могу отдавать наличными сразу же или переводить на банковский счёт.

– Ну да, ведь каждый день среднестатистической двадца-типятилетней девушке на счёт прилетает пятьсот тысяч дол-ларов. Ничего необычного.

– На специально заранее заведённый для тебя счёт в кон-кретном банке с моими людьми.

– Тогда по рукам.

Наблюдая за таким Марком, спокойным, непринуждён-ным, ничем мне не угрожающим, я не видела в нём опасно-го для себя человека. Или просто не хотела признавать, что таковым он всё-таки был. И всё же в нём явно сидел маньяк, которому были нужны эмоции и неординарная реакция со-беседника, а не кровь и трупы.

Отсутствие нужды в смерти и проливании крови было ещё одной отличающей Марка от всех остальных своих коллег его чертой. На его счету не было ни одной смерти, во всяком случае, так говорят официальные СМИ и другие курьеры, с которыми мне приходилось общаться. И это было тем са-

мым, чего никто никогда не понимал. Он был крайне хладнокровным человеком, безразличным ко всем окружающим, с полным отсутствием эмпатии или даже намёком на неё, творящим ужасные вещи ради того, чтобы достичь желаемого, вещи абсолютно разного сорта. Но он никогда не убивал. Интересно, это из принципа? Или причина этому – ещё одна тайна Синистера?

Марк медленным шагом обошёл моё кресло и встал за моей спиной. Я напряглась. Ожидать с его стороны можно было всего, рука сразу дёрнулась к сумке с пистолетом.

– А если я предложу тебе... ну, например, составить мне компанию на какой-нибудь банкет?

– Нет-нет-нет, для этого найди себе элитную эскортницу. Светиться рядом с тобой я точно не хочу. Чем меньше нас будут связывать друг с другом, тем лучше, – я вскочила с кресла и повернулась к Марку лицом, оказываясь от него буквально в паре сантиметров. Но шаг назад я не стала делать из принципа.

Марк внезапно аккуратно взял меня за подбородок и заставил меня посмотреть ему прямо в глаза. Золото. Холодное, колющее, пугающее золото.

– Как дерзко.

– Могу ещё личико твоё подправить, для пущей дерзости.

– Интересно, это, наверное, потому что я такой гадкий злодей, нарушил твоё жизненное спокойствие? – громкость его голоса снизилась до завораживающего баса, он ещё силь-

нее приблизился ко мне, но я лишь скрестила руки на груди и вызывающе продолжила зрительный контакт.

– Слабо сказано. Ты – та мерзкая, отвратительная тварь, из-за которой вся моя жизнь превратилась в чёртов ад. Такая формулировка будет точнее.

– А ты у нас госпожа благородных кровей, которую обстоятельства заставили жить среди презренных плебеев, да? Ты сама выбрала этот путь, бесполезно обвинять в этом кого-то другого. Ты можешь обвинять меня сколько хочешь, но от этого ничего не изменится – ты всё ещё не лучше меня и любого, кто в этом плавает. И запомни раз и навсегда: с подходом «я не опущусь до вашего уровня» ты сдохнешь намного быстрее, чем думаешь.

– Не твоя ли это задача – удостовериться в том, что я жива и здорова? – мой тон становился всё более и более агрессивным и полным презрения, а расстояние между нами становилось всё меньше и меньше, пока я практически не начала слышать его сердцебиение.

– Теперь да, и поверь мне на слово – тебе крупно повезло. Неприкосновенность курьеров – умилительная выдумка для наивных мальчиков и девочек, которым нужны быстрые деньги. Благодарю всех святых за то, что ещё жива.

– И без тебя знаю, змеёныш. Отцовских нравоучений мне от тебя не требуется. А если будешь доставать без повода и распускать руки, – я схватила запястье руки, что до сих пор держала мой подбородок, и крепко сжала его, впиваясь

в кожу ногтями для пущей правдоподобности, – сама закопаю тебя где-нибудь на окраине.

Марк внезапно усмехнулся, даже не скривившись от боли. Затем он перехватил мою руку, развернул к себе спиной и крепко прижал к себе, молниеносно выхватывая из кармана пиджака раскладной нож и приставляя его к моему горлу, прямо в зоне кадыка.

– Запомни, мы все здесь грешники. А те, кто отрицают свои грехи, ещё больше. В аду, когда ты предстанешь перед владыкой всея зла, никто не станет спрашивать тебя, как ты оказалась в нашей вселенной. И все мы канем в девятый круг. Щадить тебя никто не будет, держи это в голове на протяжении каждой секунды, что тебе дано прожить...

Дыхание участилось, а сердце начало биться с невероятной скоростью. Было страшно, но адреналин превращал всё в непонятно забавную постановку дешёвого спектакля.

Сталински был чертовски прав, по сей день мне действительно просто везло. Но мне так не хотелось верить, что я ничем не отличалась от всех членов нашей с ним вселенной, что я не была другой. И эта мысль не на шутку выводила из себя. С разъярённым рыком я зарядила Марку локтём в живот, зная наперёд, что глотку он мне резать не станет. Согнувшись пополам, он отпрял на несколько метров, кашля и смеясь одновременно.

– Я предупреждала: не распускай свои грязные руки.

Марк выпрямился, отряхнул пиджак и осмотрел меня

с ног до головы. На его лицо вернулась та самая высокомерная ухмылка, которая в его случае была лучше всякой подписи.

— Какая же ты всё-таки забавная. И имя тебе очень подходит. Ты такая же обманчиво прекрасная, — пройдя мимо меня, он сел назад в кресло, закинув ноги на письменный стол, что в его исполнении было невероятно элегантно.

— Уж извини, если не подхожу твоим стандартам внутренней и внешней красоты.

— И всё-то ты воспринимаешь негативно. Это, между прочим, был комплимент. Машина уже ждёт внизу.

Ничего не ответив ему, я направилась к выходу из офиса. Но, как только моя ладонь оказалась на ручке, с другого конца комнаты я услышала невообразимо соблазняющее «Увидимся».

— Надеюсь, что нет, — ответила я и вышла из кабинета. И всё-таки я обернулась.

Глава III

Частичка света

Среда. Ещё один день, ещё одно утро. Будильник, который я вчера сломала, не прозвенел, и я опоздала на работу. Но мне, честно говоря, было абсолютно всё равно. Мне вообще на всё было в этот день плевать.

На работе меня ждала начальница с виноватым видом, миссис Генриетта Ротшильд. Представляла она из себя высокую блондинку с чрезмерно большим размером бюста, практическим отсутствием мозгов, но при этом наличием почти что модельной внешности. И что-то мне очень навязчиво подсказывало, что кафе либо принадлежало её состоятельному отцу, а она там просто появлялась для вида, или же заведение было собственностью её мужа/местного богатого папика, и, хотя фамилия Ротшильд мне мало о чём говорила, несмотря на то, что местных богачей обычно знал каждый первый, я была на восемьдесят пять процентов уверена в финансовом положении её семьи.

Как только я оказалась в раздевалке, она тут же подошла ко мне. И я уже примерно представляла, о чём будет этот разговор.

— Мираж, мне так жаль. Я не думала, что он когда-нибудь заявится сюда лично, — сказала она крайне тихо.

– Как давно он здесь совладелец или как там это называется? – тут же оборвала её я. Обвинять её было бы глупо, она явно ничего не решает и на ситуацию повлиять никто не смог бы даже при желании.

– Где-то уже лет пять. Пойми, у меня просто не было выбора. А когда он позвонил мужу... Я даже представить себе не могла, – вздохнула она, всё ещё держа меня за руку, – ты и правда?..

– Да. И поверьте мне, я всё понимаю, не нужно извиняться. Но это должно остаться строго между нами, о том, чем я занимаюсь, никто не должен знать.

– Да, конечно, милая. Всё останется в секрете. Прости ещё раз.

День шёл, люди приходили и уходили, настроение не менялось. Марк так и не дал о себе знать.

Внезапно на телефон пришло сообщение:

«Зайка, ты как?»

Хоть что-то хорошее за последние три дня. Сообщение было от Льюиса, моего парня.

Того самого Льюиса Кларка, сына друга нашей семьи, что проводил мамину операцию. Видимо, судьба решила конкретно связать наши семейства. Он был единственным человеком, с которым я могла быть хоть чуть-чуть искренней, не считая моей мамы. О моей подпольной жизни он, безусловно, не знал, но о нормальной рутине мы всё же могли

поговорить. Льюис был замечательным человеком, который постоянно обо мне беспокоился и любил. Мы часто ходили куда-нибудь, веселились, грустили... в общем, мы были самой обычной парой. И вспоминая всё это я начала понимать, что он был единственным, что осталось «нормального» в моей жизни.

Я вся засияла после прочтения сообщения и сразу кинулась строчить ответ:

«Могло бы быть и лучше, но терпимо. Пока живём. Ты?»

«Хорошо. Свободна вечером?»

«Абсолютно»

«Тогда в восемь буду ждать тебя под домом <3»

«Оки-доки, увидимся <3»

Я уже было хотела заблокировать телефон и продолжить работать, как вдруг на него пришло ещё одно сообщение, и моей улыбки до ушей как не бывало.

«Жду в офисе в семь вечера», – гласило сообщение от Марка Сталински.

Прекрасно. Просто волшебно. У него такое хобби – портить мне настроение? И ведь обязательно в семь, будто знал, что у меня свидание. Он что, и сообщения мои просматривает? Если узнаю, что это правда, точно уничтожу.

«А завтра или пораньше нельзя?» – я решила всё-таки попытаться изменить время встречи, мне всё равно нечего было терять.

«Нет»

Конечно, а на что ещё я рассчитывала?

Хотя, возможно, работа будет быстрая и непыльная, и мне удастся вовремя с ней справиться. На это оставалось только надеяться.

До конца рабочего дня оставалась пара часов, но время внезапно стало тянуться, словно резина. Мой мозг был занят догадками о виде работы, которую Марк собирался мне дать, и куда же Льюис поведёт меня в этот раз. И вновь меня начало раздражать всё вокруг. То ли Марк оказывал на меня такое негативное влияние, то ли просто день изначально не задался.

Наконец-то моя смена закончилась, и я могла спокойно отправляться домой, готовиться к встрече с Марком. Из-за моего плохого настроения я полностью наплевала на мой внешний вид и, надев майку и джинсы, а затем собрав мои огненно-рыжие волосы в хвост, я быстро положила пистолет и перцовый баллончик в сумку и поехала к Сталински в офис. Машина, словно по расписанию, уже ждала меня под подъездом.

В этот раз в штабе Марка меня никто не встречал, да и слава богу. Компанию той блондинки я бы не вынесла сегодня.

Последний этаж, единственный кабинет, белая дверь. Открыв её, я увидела сидящего за столом и подкидывающего в воздух монетку Марка. Он оторвал взгляд от пустоты и перевел его на меня, осмотрев с ног до головы и усмехнувшись.

– Так по мне соскучилась, что приехала пораньше? – издевательский тон не покидал свой обычный пост.

– Нет, просто твой водитель невероятно пунктуальный. К тому же, быстрее начнём, быстрее закончим. Чем меньше мне придётся смотреть на твоё самодовольное лицо, тем лучше, – огрызнулась я в ответ и бросила на Марка раздражённо-злой взгляд.

– Ты так со мной груба, – глубокий наигранно-обиженный вздох, – куда-то торопишься?

Я никоим образом не хотела вовлекать Льюиса во всё это месиво, поэтому решила соврать, наивно полагая, что мне эта ложь сойдет с рук.

– Да нет, просто не хочется находиться с тобой в одном помещении дольше, чем это необходимо.

– Врёшь, – спокойно возразил Марк, наклонив голову набок, – так с кем у тебя свидание? – он продолжил подкидывать монетку, затем встал из кресла и медленно подошёл ко мне.

Его ладони опустились на мои плечи, а большие пальцы стали неторопливо, но напористо надавливать мне на лопатки, заставляя слегка выгнуться. По телу прошла приятная волна тепла, я абсолютно потеряла чёткое понятие того, где я нахожусь и что я здесь делаю. Никогда бы не подумала, что при помощи одного столь незначительного движения можно так расслабиться. Но внезапно меня словно молнией ударило. Что я вытворяю? В голове сразу возникла картинка:

я и Льюис, идущие по вечернему городу. Нельзя давать себя запутать. Он на это и рассчитывает. Сначала запудрит мне мозги как следует, а потом сможет убедить меня во всём, что захочет.

Я подскочила и, пока Марк был в растерянности, заломила ему пальцы левой ладони. Ноль реакции. Просто полнейший ноль. Ему даже не щекотно, не то что больно. Марк вскинул бровь и посмотрел на меня взглядом а-ля «ты серьёзно?».

Я мысленно ругнулась и отпустила его руку, отходя назад на пару шагов. Ладони слегка подрагивали, я нервно сглотнула, но всё же решилась посмотреть ему в глаза. И вновь это необъяснимое желание не отводить от него взгляд. Он кажется таким холодным, но в глубине виден огонь, который ни одно существо потушить не сможет.

– Боишься? – холодно, самоуверенно, высокомерно.

Хочется выкрикнуть «да» и убежать отсюда со всех ног. Нельзя, нельзя, нельзя. Я не привыкла показывать слабость и не собираюсь этого делать. Не перед ним. Не сегодня. Нельзя дать ему восторжествовать.

А что именно я должна сейчас ему ответить? Что я не боюсь? Это будет выглядеть просто смешно.

От бессилия и собственной беззащитности на глаза наворачивались слезы. Я сжала кулаки и закусилла нижнюю губу, чтобы не выпустить их наружу. В глазах Марка появилась жалость, а на губах появилась усмешка, он сделал несколь-

ко шагов в мою сторону, значительно сократив расстояние между нами. Я почувствовала тепло его пальцев на моем подбородке, и вот я вновь смотрю в его глаза. Внезапно волна жаркой ярости захлестнула меня. Я занесла правую ладонь и со всей дури вlepила Марку пощёчину. И мне вдруг полегчало. Как будто камень с души свалился.

А вот Сталински, кажется, впервые за сегодня было по-настоящему больно. Во мне заиграли нотки своеобразного торжества.

Сразу после удара его лицо исказилось гримасой лёгкой боли, он положил ладонь на щёку, на которую пришёлся удар, усмешки и след простыл.

– Кто-то сегодня явно не в настроении, – почему я продолжала слышать в его голосе торжество и удовлетворение происходящим?!

На этом Марк решил закончить визуальный контакт, он вернулся на своё место и достал довольно массивную стопку бумаг.

– Пресвятой Стефаний, ты это серьёзно? – воскликнула я с выпавшими, как у рыбы, из орбит глазами, то ли не веря своим глазам, то ли мечтая им не верить.

– Рыбка моя, я плачу тебе за твою работу больше, чем я плачу себе за свою, – так метко выбрав мне прозвище, подметил он, усаживаясь назад в кресло и включая компьютер.

– А ты что, платишь себе за работу? – если это действительно было так, то, наверное, его нарциссизм не превзо-

шел бы сам Нарцисс.

– Не бери в голову. Это – контракт. Контракт, написанный и предложенный мне тем, кому я не нравлюсь.

– А что, бывает так, что ты кому-то нравишься? – пробурчала я себе под нос, иронично хмыкнув и пододвигая бумажки ближе к себе. Краем уха услышав мои слова, Марк застыл с приоткрытым ртом на половине фразы, затем безынтересно закатил глаза к небесам, куда ему не суждено было попасть после того, как он наконец-таки отбросит копыта, и продолжил:

– Твоя задача – найти в нём все подвохи, спорные моменты, фразы между строк, мелкие шрифты и прочее. Не маленькая, думаю, разберёшься.

– Проще говоря, тебе просто лень его читать?

– Проще говоря, у меня есть дела поважнее, – спокойно парировал Марк, даже не удостоив меня взглядом.

– Ну да, рушить чужие жизни куда важнее, а защиту своей царской персоны можно и на других скинуть, – вновь пробормотала я, намерено сделав тон своего голоса достаточно громким, чтобы быть услышанной. Но вскоре слегка об этом пожалела.

Теперь взгляд Сталински был направлен на меня, словно лазерный прицел последней модели снайперской винтовки. Точный и беспощадный.

– Куда важнее управлять экономической империей и заботиться о том, чтобы всё шло так, как должно идти. Ведь

я глубоко сомневаюсь, что тебе захочется падать вместе со мной на дно Марианской впадины в случае, если что-то пойдет не так. Поправь меня, если я ошибаюсь.

Поправлять было нечего, он действительно был прав, ведь, случись что с его империей, и это откликнется на всех его подданных, а меня как первого советника вынесут ещё раньше, чем его самого. Я была одной из приближённых никого иного, как самого Марка Сталински, а это не обещало мне ничего, кроме проблем и ещё большего отсутствия моей безопасности. И, хоть и сомнений, что он мне её обеспечит в лучшем её виде, у меня не было, гарантий мне никогда никто не даст.

Больше никто из нас не обронил ни слова.

На мою работу я потратила около полутора часов. Найдя нужные Марку нюансы, я сделала закладки на этих местах, расписав какое последствие каждый из них имел для него, и на этом закончила.

– Теперь можно идти?

Марк медленно оторвал взгляд от экрана своего «Макбука», перевёл его на меня и по-детски слегка надул губки.

– Что, даже на аперитив не останешься? Ну что ж, придётся выпить бутылку этого великолепного шампанского в гордом одиночестве. Как обидно, – томно сказал он, проводя

пальцем по тёмной бутылке шампанского, стоящего на краю стола, от горлышка вниз. Заметив, что намёка я не поняла, он усмехнулся и затем по-родительски неодобрительно покачал головой из стороны в сторону, расслабленно откинувшись на спинку кресла, слегка утопая в нем, – ступай, принцесса.

Я чертовски опаздывала, поэтому схватив мою сумку, я стремительно понеслась к двери. И уже когда я её приоткрыла, услышала догоняющие меня слова Сталински:

– Переходи дорогу на зелёный свет, не садись в машину, к кому попало, и не принимай конфеты от странных добрых дяденек за пятьдесят.

Обернувшись, я впервые за всё время нашего знакомства просто улыбнулась, без сарказма, яда и ненависти.

– А ты не сиди долго за компьютером, всё зрение себе испортишь, – ответила я, выбежав из офиса и краем уха услышав искренний тихий смешок.

Дверь захлопнулась с титановой силой, у меня аж подставка для карандашей упала. Видимо, я довольно сильно её задержал. Ну и куда она так спешила?

Но вот что самое интересное – меня так и распирало узнать, куда же именно она поехала. Хотя что именно мне мешает послать того новичка проследить за ней? Всё равно

занять его нечем.

Эта мысль не давала мне покоя несколько минут. Кажется, впервые за всю мою жизнь во мне проснулась совесть, которая из всех сил трясла мою душонку, пытаясь запретить проследить за Мираж. Но послать совесть туда подальше оказалось проще, чем я думал.

Я набрал номер новичка на стационарном телефоне, и, пока я объяснял ему задание, мне удалось довольно быстро пробить местоположение Мираж по GPS.

Я просто ворвалась в подъезд и тут же увидела Льюиса. Он стоял, облокотившись на стенку и поджидая меня. Я подошла к нему и, не дав ему сказать и слова, одарила его долгим поцелуем. Мы не виделись всего лишь три дня, а я уже так по нему соскучилась.

– Ладно, ты прощена, – он довольно улыбнулся и приобнял меня за талию.

– Так и знала, – я тоже улыбнулась и крепко его обняла.

Льюис Кларк представлял из себя блондина двадцати семи лет, довольно крепкого телосложения, при этом с лицом обычного подростка. Окончил педагогический университет и сейчас работал учителем испанского языка. Его родители развелись, когда ему было лет пятнадцать, так что с его мамой возможности познакомиться у меня не было. Зато

я очень хорошо знала его младшую сестру, с которой нам обоим часто приходилось сидеть, когда Якоб был на работе, и которая была в самом пекле пубертатного периода.

Сам Льюис был не очень горазд складывать слова в предложения, когда дело касалось важного разговора, но при этом являлся добрым, остроумным и харизматичным молодым человеком. В общем, если у вас паршивое настроение, да и вообще вся жизнь превратилась в полосу крошечных неудач, вам к нему. Поднимет настроение, развеселит, и, может, он и не человек самого высокого интеллектуального уровня, но, о чём поболтать, всегда найдётся. От первой темы он плавно поплывет в следующую или в какое-нибудь отвлечение первой и таким образом заболтает вас до потери сознания.

– Ну и где можно было так задержаться? – спросил он и, взяв меня за талию, вывел из подъезда в то время, как я быстро написала маме, что приду поздно.

Мы стали прогуливаться по вечернему Торонто. Эффект, который Льюис на меня производил, был просто магический. Мне удалось на некоторое время забыть о всех проблемах, которые постоянно портили мне настроение. Мне ничего не было нужно, ничего не хотелось, кроме как вот так вот прогуливаться, любоваться улицами и зданиями каменных джунглей Торонто и болтать ни о чем. Я любила Льюиса, ни капли в нём не сомневалась и полностью ему доверяла. Мы долго гуляли, после решили зайти в первую попавшуюся

кафешку.

Просто сидеть и смотреть в его излучающие тепло и добродушие карие глаза – ещё одна вещь, которой мне так не хватало последние три дня. Как же не хотелось, что бы этот день заканчивался. Не хотелось видеть Марка, не хотелось возвращаться в мою обычную рутину.

Мы говорили два часа подряд, выпив при этом три чашки имбирно-ванильного чая. Было трудно часто врать Льюису про то, чем я занимаюсь. Но это была своеобразная плата за то, чтобы иметь такого человека рядом. Да и выхода у меня всё равно не было.

Домой я вернулась поздно, но полностью удовлетворённая свиданием. Только долго моё счастье не продлилось.

«**Наивная дурёха**», – гласило сообщение от Марка, которое я получила через полтора часа после возвращения домой.

Глава IV

Разошедшаяся трещина

Я довольно сильно всполошилась из-за того сообщения. Я тут же стала засыпать Марка ответными эсэмэсками, пытаясь понять, что, чёрт возьми, произошло. Но Сталински упорно не отвечал ни на сообщения, ни на звонки, которые я пыталась реализовать. Вот теперь пойдёшь и усни ночью! Марк, видимо, хотел сохранить интригу, и у него это волшебным образом получилось.

Наутро мне пришло сообщение из банка о переводе пятидесяти тысяч долларов на мой счёт. Очевидно, это была плата за мою вчерашнюю работу. Банк был тот самый, о котором говорил Сталински. Он заверил меня, что всё уже организовал и мне лишь нужно контролировать, пришли мне деньги на следующий день после работы или нет и, если вдруг что-то не так, сразу сообщать ему при встрече.

Четверг – один из самых напряжённых дней. В этот день недели в кафе всегда очень много людей, под конец я всегда уставала, как водовозная лошадь. Уже после десяти минут от открытия все столики были заполнены, словно метро в час пик.

Джимми и Анна – самые приятные из всех моих коллег, с которыми я уже почти пять лет работала по четвергам

и воскресеньям, поэтому день заранее обещал быть лёгким, несмотря на загруженность. Работа в целом меня не столько тяготила и изнуряла, сколько радовала. Часто мелькали лица знакомых и наших постоянных клиентов, слышался смех маленьких детей и их родителей, солнце нещадно и радостно освещало наше маленькое, но столь многолюдное кафе. За нашими клиентами очень интересно наблюдать, хоть и разглядеть их внимательно не всегда получается. За турканные мамочки, бизнесмены, рабочие и просто люди. Из крошечных мелочей можно узнать о стоящем перед тобой человеке абсолютно всё, и это было достаточно полезным навыком. Но самое радующее в этом всём было то, насколько моя работа была нормальной. Иногда казалось, что мои смены – просто один из приятных снов, что иногда мне попадались в кинотеатре собственного мозга по ночам.

Гость за гостем, очередь двигалась, гул то усиливался, то утихал, солнце опустилось ближе к горизонту, спрятавшись за высотками, рабочий день подходил к концу, а народу всё ещё было пруд пруди.

Что-то насторожило меня, когда колокольчик зазвонил в очередной раз, но как-то слишком зловеще. Слишком зловеще знакомо. Подняв взгляд на вход, я замерла с сэндвичем в руках. Марк. На входе красовалась именно его фигура. Вот ведь идиот, заявился ко мне среди бела дня! Знает ведь, гадёныш, что из-за этого у меня могут быть проблемы! Ах да, совсем забыла, что его офис находился в паре сотен метров

отсюда.

Безусловно, подавать виду я не стала, чтобы хоть самой на рожон не лезть.

В глазах Марка сверкнул не предвещающий ничего хорошего огонёк, он медленно и чересчур элегантно для своего слегка распущенного характера направился к кассе. Он не обратил ни малейшего внимания на очередь и сразу подошёл ко мне. В тот момент я его совсем не боялась. Может, когда мы общаемся наедине, я ничего особенного ему сделать не могу, но сейчас он был абсолютно обычным клиентом, ничем не отличающимся от остальных. Мне он ничего не мог сделать, слишком былолюдно. И хоть в глубине подсознания я знала, что это его маловероятно остановит, такие обстоятельства всё равно вселили в меня щепотку уверенности. Самый первый урок, который я здесь усвоила, звучал так: клиент от стоящего за ним такого же клиента ничем не отличается. Во всяком случае, в этом помещении точно. Значит и действовать я буду по стандартному плану.

– Извините, сэр, если вы не заметили, то перед вами есть очередь. Пожалуйста, займите ваше место и ожидайте, – я заставила эту фразу прозвучать максимально язвительно, вкладывая в слова всё презрение к его персоне, чувствуя торжество от собственного положения в сложившейся ситуации. Благо, фоновый шум слегка заглушал мой голос, иначе бы мне точно влетело за такое отношение к клиентам. Хотя раз уж клиент возомнил себя особенным, то и обслужи-

вание у него будет соответствующее.

Мои слова произвели на Марка неслабое впечатление, учитывая то, что в образе хозяйки ситуации он меня до этого ни разу не видел. В ответ он лишь заинтересованно улыбался и, кинув невинное «очень извиняюсь», встал в конец очереди. Я же, как ни в чём не бывало, продолжила обслуживать клиентов. Через пятнадцать минут очередь дошла до Сталински. Он всё так же улыбался и, заказав эспрессо на вынос и добавив излишне доброжелательное «пожалуйста», протянул мне сумму для оплаты, которая, несомненно, раза в четыре превышала нужную. Между зелёными банкнотами лежала маленькая белая записка, очевидно адресованная мне. Неужели так трудно было написать мне чёртово сообщение?!

Не подавая виду, я ловко и незаметно отложила бумажку в сторону, а деньги положила в кассу. Я уже было собиралась отсчитывать сдачу, но Марк забрал свой заказ и, кинув слегка пренебрежительное «сдачи не надо», ушёл. Провокатор хренов. Я продолжила работать, записку спрятала в карман джинсов.

Ещё час интенсивной работы – и мы наконец закрыли кафе. Последний раз протереть столики, и Анна с Джимми могут идти домой. Меня же под окнами дома ждёт машина Марка, готовая везти меня в неизвестность: ведь это именно то, что было сказано в записке от Сталински. Судя по всему, мне даже переодеться не удастся, машина будет ждать меня

по возвращении.

Неужели было так трудно написать, куда именно мы поедём? И я всё ещё не понимала, зачем было заявляться в кафе среди бела дня и привлекать столько ненужного внимания? Хотя нет, всё я прекрасно знала. Это была в чистом виде дешёвая попытка спровоцировать меня и потрепать мне нервы. Ему нужно было меня позлить, подразнить, пораздражать — называй, как хочешь, но я в любом случае сделала глубокий вдох, собрала последние силы в кулак и направилась домой.

Всё тот же «Порше» поджидал меня напротив подъезда. Прежде чем приблизиться к ней, я проверила наличие моего верного Глок 26 в моей сумке, накрыла его кошельком и уже потом подошла к машине и села в неё.

— Добрый день, — поздоровался водитель, и, как только дверь захлопнулась, он нажал на педаль газа.

Мотор заревел, лёгкий толчок, и аппарат в движении. Верно говорят, что машина тоже может быть привлекательной. Я поздоровалась в ответ и, расположив сумку с правой стороны от себя, пристегнулась.

— А я, значит, стеклянный, — внезапный голос Марка заставил меня подскочить и повернуть голову в сторону источника звука.

– А ты здесь откуда? – выскочило из моего рта, пока я удивлённо рассматривала его.

По непонятным мне причинам сегодня на нём не было пиджака, верхние пуговицы белоснежной рубашки были расстёгнуты и открывали вид на идеальные линии ключиц Марка. Галстук и вовсе отсутствовал. Непривычно было видеть его в таком виде, даже как-то некомфортно. Но ещё более некомфортно становилось от того, что я находилась с ним в таком узком пространстве практически наедине. И, скорей всего, именно это «практически» спасёт меня от нежелательного внимания Сталински.

– И к чему было это дневное шоу? Из тебя хреновый актёр, к твоему сведению.

– Мне просто стало скучно, захотелось выпить кофе. Ничего плохого в этом не вижу, – ответил он, ухмыльнувшись и пожав плечами. В тот момент возникло очень сильное желание ударить его.

– Заканчивай комедию ломать. Как тебе вообще не страшно на улицу выходить, с твоим-то статусом в стране?

– Вот такой вот я бесстрашный камикадзе. Что, переживаешь за меня?

– Ещё чего не хватало. Убьют тебя – убьют и меня, причём сразу же. Поэтому попридержи коней, отчаянный, мне моя жизнь ещё дорога, – я посмотрела в окно, – куда едем?

– В тир.

Интересный факт: когда дело касается Марка, я постоян-

но себя накручиваю, утопая в догадках о самых худших вариантах исхода событий. Вот и сейчас мне в голову лезли исключительно самые ужасные вещи: мне казалось, что Сталински везёт меня куда-то, дабы просто застрелить или ещё чего похуже. А оказалось всё намного проще. Не менее непонятно, но проще.

«Так, нет. Надо заканчивать с этой самонакруткой», – подумала я и, потрянув головой, отогнала противные мысли.

Я вскинула бровь, не произнося ни слова. Марк в любом случае уже понял мой немой вопрос.

– Ещё один небольшой тест. Если сдашь его, подарю тебе кое-что. Да и стрельба неплохо снимает стресс, – он усмехнулся, – можешь считать это свиданием.

Волна возмущения нахлынула на меня, щёки превратились в два спелых помидора, а глаза трансформировались в монеты по десять центов.

– Совсем крыша поехала?! У меня вообще-то парень есть! – вырвалось у меня изо рта.

Я тут же сильно пожалела о сказанном, но собрала волю в кулак и не подала виду. На мои слова Марк лишь ухмыльнулся и пробурчал себе под нос что-то похожее на «на долго ли?». Я подумала, что просто ослышалась, и, не придав его словам лишнего значения, отвернулась к окну, не сказав ни слова.

Свидание. Интересно, если бы у меня не было Льюиса, пошла бы я на это приятное мероприятие с Марком? Во мне

с каждой секундой возрастали сомнения о подлинности моего предыдущего возмущения. Конечно, Сталински та ещё скотина, но как мужчина он вполне неплох. Странно, что я вообще об этом думаю. Я люблю Льюиса, и точка. И, чем меньше я думала об альтернативах, тем лучше. Я категорически не хотела терять его, он был мне слишком дорог и, как бы эгоистично это ни звучало, нужен.

Машина остановилась около входа в тир. Я вышла на улицу и, захватив сумку, последовала за Марком внутрь здания. А внутри это был обычный среднестатистический тир, ничем не отличающийся от других. Тусклое подвальное помещение с застоявшимся запахом пороха и, конечно же, абсолютно пустое.

– Снял или купил? – спросила я совершенно безразличным тоном.

– Я их спонсирую, – Марк усмехнулся и, изобразив пальцами кавычки, выделил слово «спонсирую», – в моём стиле.

– Тоже пистолет на голову наставил? – во мне внезапно загорелось желание его задеть, – кстати, о нём. Неужто оригинал? – поинтересовалась я, вспоминая его кольт.

– Уайетт¹ был интересным персонажем. Выиграл на аук-

¹ Уайетт Берри Стэпп Эрп – американский страж закона в городе Тумстоун в Аризоне (1880) и картёжник времён освоения американского Запада. Получил широкую известность благодаря книгам и кинофильмам в жанре вестерн. В то же время реальный Уайетт Эрп был более противоречивой фигурой, чем герой, описываемый в литературных и кинематографических произведениях. Эрп часто проигрывал деньги, охотился на буйволов, был хозяином борделя и парик-

ционе пару лет назад. Ценная вещица с историей, как раз в моём вкусе, – с некой самоиронией ответил Марк, доставая кольт из внутреннего кармана пиджака, что он прихватил с собой.

– Вы с ним чем-то похожи. Точно не профессией, но готова поспорить, что владеть сучками точно у вас обоих в обыходе, – съязвила я, усмехаясь и рассматривая почти что реликвию, которую держали его руки.

– А я думал, ты скажешь, что нас с ним роднят парикмахерские, входящие в наши владения, – парировал он так же язвительно, с ноткой наигранного разочарования, – если хочешь, могу дать пару номеров и адресов. Даже скидку на услуги сделаю, – в его голосе теперь читалась некая провокация, либо он мне на что-то намекал.

– Ну уж нет, спасибо, твоих шалав мне не нужно, – закатив глаза, я скрестила руки на груди, что стало для меня стандартным жестом, показывающим мою уверенность. Иногда делала его почти бессознательно, но должный эффект это в любом случае сохраняло.

– Ну да, тебе своих хватает, – эти его слова я еле расслышала, и то, что он явно попытался оставить их неслышанными, меня насторожило.

– Что?

– Ничего.

Зал, отведённый для стрельбы, был довольно большой.

Шесть мишеней в ряд, все, как на подбор. На левой стене висели самые разношёрстные виды оружия, от маленьких до больших, от мощных до не очень. Но Марк прекрасно знал, что у меня и свой малыш имеется, поэтому просто молча ждал, когда я наконец-то впущу его в игру. Именно это я и сделала. Как только мой миниатюрный, но удобный пистолет оказался у меня в руках, я услышала краткий смешок Сталински, что пристально и насмешливо наблюдал за мной.

– Значит я тогда не ошибся, – сказал он, подходя ближе и рассматривая мой Глок, – серьёзно?

– Что? Он компактный, лёгкий и удобный. В отличии от твоего дружка, который наверняка весит больше тебя, – парировала я, совершенно не собираясь терпеть насмешки в адрес моего верного защитника.

– Да, только выглядишь ты с ним смешно. Он совершенно не подходит тебе по характеру, да и сам по себе забавно выглядит, учитывая тот пост, который ты занимаешь.

– Какая разница? Дело не в том, как ты с ним выглядишь, а насколько качественно он снесёт противнику башку, – почти что намекая сказала я, делая пару медленных шагов в сторону Сталински, сокращая расстояние между нами до нескольких сантиметров.

– Ну да, жаль только, что таким людям, как ты и я, оружие нужно совершенно для другого, – ответил Марк, вскинув бровь, а затем слегка прищулив глаза, будто бы пытаясь что-то рассмотреть на моём лице, – нам с тобой нужно убе-

дить, не убить. Вызвать страх, но не проливать кровь. Именно поэтому выглядеть нужно уверенно и убедительно. Если ты, конечно, хочешь, чтобы *твою* башку не снесли, – продолжил он, дотронувшись до моего лба кончиком своего ледяного указательного пальца.

Минута молчания, в течении которой я обдумывала его слова. Там была и доля правды, ведь чем убедительнее ты звучишь, тем меньше вероятность того, что тебя закопают. Но в этом мире не бывает без крови, а Марк был известен тем, что лично его руки – кристально чисты. Естественно, это был всего лишь слух, но, услышав от него такие реплики, в это вполне можно было поверить. Это не отменяет того, что грязную работу за него могла делать команда головорезов.

– Ты действительно никогда не убивал? – вопрос выскользнул с абсолютным отсутствием моего на то разрешения, ведь я знала, что навряд ли такой разговор закончится чем-то хорошим.

Марк тут же заметно напрягся. Так и думала. Но злобы, раздражённости или любого другого знака о том, что тема ему неприятна, я в его глазах разглядеть не смогла.

– Да, должен отдать себе должное. Хотя и очень хотелось иногда, – холодно ответил Сталински, теперь уже сверля взглядом пустоту перед собой.

– Почему? – продолжила я, понимая, что рискую получить по полной, если не быть прибитой на месте.

Ответ последовал не сразу. Либо Марк обдумывал его, ли-

бо решал, отвечать ли вообще. А может, думал, в какую конечность мне выстрелить. От него валило жутким холодом, который вошёл на сцену слишком неожиданно и внезапно. Но, по крайней мере, сейчас я знала, почему, и внутри уже казнила сама себя за эту нежеланную провокацию.

– Не хочу пачкать руки, – был его ответ, после которого он развернулся и подошел к стойке с мишенями, – ну давай, – сказал он, мгновенно выбрасывая всю свою холодность в окно и возвращая свой предыдущий расслабленный тон назад. Его контроль над собственными эмоциями иногда пугал меня больше, чем то, что Марк делал.

Стрелять мне до этого момента никогда не приходилось, никакого обучения я не проходила, не считая пары самостоятельных попыток на окраине города, пистолет приобрела на чёрном рынке под лозунгом «в экстренной ситуации и буду разбираться». Но элементарная женская гордость не позволяла мне показать даже нотки слабости. Придётся стрелять, выхода нет.

Я взяла пистолет и направила его на первую попавшуюся мишень. Руки внезапно задрожали, а ладони начали потеть. Я старалась глубоко дышать и, вцепившись в рукоятку, прицелилась, насколько это было возможно в моём состоянии, а затем выстрелила.

Оглушительно громкий звук, лишивший меня слуха на несколько секунд, и отдача, заставившая меня потерять равновесие. Если бы Марк не стоял рядом и вовремя меня

не подхватил, я бы точно шлёпнулась на пятую точку. Пистолет выскочил из рук и откатился в сторону. Сталински поставил меня на ноги и поднял оружие.

– Понятно, инструкцию по применению мы не читали, – пробубнил он и встал позади меня, – во-первых, успокойся. Расслабь плечи и сделай глубокий вдох, – ладони Марка переместились на мои плечи и слегка сжали их, надавливая большими пальцами на лопатки. Я глубоко вздохнула. – Во-вторых, не сжимай пистолет слишком сильно – ты увеличиваешь отдачу, – он медленно провел ладонями по всей длине моих рук, затем вложил пистолет в мои руки и накрыл мои ладони своими, слегка сжимая оружие.

Марк был настолько близко, что я могла почувствовать каждую частичку тепла, исходящую от его тела. Его тёплое дыхание на моей шее заставило пробежать по коже волну мурашек. Никогда бы не подумала, что такой холодный человек, как Сталински, может быть таким тёплым физически.

Голос Марка вернул меня на землю:

– Перед выстрелом задержи дыхание. Запомнила?

В ответ я слегка кивнула.

– Теперь медленно прицелься, – тихо сказал Марк своим шикарным бархатным голосом и ладонями закрыл мне уши.

Я навела пистолет на мишень. Ровно в центр. Выстрел.

Руки дрогнули лишь слегка, пуля продырявила мишень на расстоянии примерно десяти сантиметров от центра. Хорошо, что хоть в принципе в мишень попала.

– Вполне неплохо для новичка, – сказал Марк, приподняв брови в неподдельном удивлении.

По телу растеклась тёплая струйка удовлетворения успехом, хоть и небольшим. Моё лицо озарила довольная улыбка, и, повторив весь процесс, я вновь выстрелила, в этот раз чуть ближе подобравшись к центру.

Попытки продолжались около двух часов под пристальным наблюдением Сталински, который внимательно следил за каждым моим движением, изредка делая технические замечания и хлопая каждый раз, как я подбиралась максимально близко к центру мишени.

Оказалось, что стрелять – довольно увлекательное и даже слегка гипнотизирующее занятие, а Марк – очень даже хороший учитель.

– Раз уж я на тебя работаю и ты мне теперь пожизненно должен, будь так любезен ответить мне на один вопрос, – внезапно спросила я, опустив пистолет и устремив взгляд на Марка. Он же иронично ухмыльнулся на слове «должен» и вскинул вверх правую бровь, – разве таких паразитов, как ты, правительство не должно вылавливать и отправлять за решётку?

– Правительство? Бога ради, не смейся меня. Правительство ничто, по сравнению с нами. Всем уже давно известно, что страной заправляют и контролируют все внутренние процессы явно не они. А все эти ваши министерства обороны и образования, белые дома, депутаты – марионетки, ко-

торым пишут на бумажке, что говорить народу. Ими обычно управляет либо «замечательный, добродушный, любящий своих граждан» президент, либо такие, как я. Я заправляю гигантской экономической сетью, сделав её до безобразия простой и выгодной. Выгодной и правительству тоже.

– Жёстко, – было единственным, что мне удалось выдать из себя.

– Жёстко, но правда. Но обычным горожанам-то какая разница? Мы тихо совершаем наши делишки в подземелье и никого не убиваем. А всё потому, что то самое правительство, на которое все так надеются, не делает резких движений, – был его ответ.

– Хочешь сказать, что в Польше творится разруха именно...

– Именно из-за того, что правительство много петушится. Что творилось в Польше? Наверное, стоит назвать это крошечным апокалипсисом. Постоянные взрывы, смерти, протесты, теракты, почти что гражданская война и, как теперь узналось, всё это проделки мафии. И это чертовски отвратительно, но столь же дьявольски очевидно. И всё это происходит уже как год, за который вся эта заваруха успела коснуться Чехии и Словакии. И, несмотря на то, что есть стопроцентная вероятность скорого нападения на Германию, господину Штайнмайеру всё же на данный момент удаётся сдерживать их. Ходят слухи, которые уже давно стали очень похожими на правду, что Россия вроде как снабжает этих

сволочей оружием, но утверждать это кто-либо не берётся. Хотя это вполне очевидно, раз никакая из стран, отделяющая Польшу от Российской Федерации, ни единым образом не пострадала от напора первых. Собственно, вот, что творилось в Польше.

Я в очередной раз аккуратно прицеливалась, как вдруг неожиданный вопрос Сталински прервал меня:

– Льюис, верно?

Я немедленно перевела на него удивленный взгляд и медленно опустила пистолет. По моей реакции Марк явно уже должен был понять, что я знаю, о ком именно идёт речь, поэтому в ответ я лишь кивнула и отвела взгляд.

– Давно вы вместе? – Марк наклонил голову на бок и слегка прищурил глаза.

– Три года, – ответ был послушно произнесён моим ртом без единого намёка на колебания.

– Доверяешь ему? – ещё один подозрительный вопрос.

Общаясь с Марком больше, чем один день, можно выяснить, что любой вопрос, любое слово, любой звук, исходящий от него, всегда что-нибудь, да значит. Если он вдруг начал задавать такие вопросы про Льюиса, то это очевидно должно было навести меня на мысль о том, что он что-то знает. Но что такого ужасного мог сделать Льюис, чтобы заинтересовать самого Сталински?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.